

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК:316.344.4; 323.2

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-140-153](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-140-153)

Государство против общества: социально-политический анализ

Пьер Бордо✉

Университет Париж XII Пари-Эст Кретеи, Париж, Франция

Аннотация. Статья посвящена анализу долгосрочного процесса формирования государства как внутренне присущей обществу инстанции, возникающей из дифференциации социального организма и сопровождаемой монополизацией политических функций, производства норм и средств насилия. Опираясь на традицию политической антропологии (П.Кластр, М.Годелье, Ч.Тилли) и социально-исторический подход, автор показывает, что конститутивное насилие, лежащее в основе первоначального отделения правящей группы от остального общества, не исчезает с институционализацией государственных структур, но переходит в латентную форму, вновь актуализируясь в кризисных ситуациях. Бюрократические и административные механизмы, развиваясь на принципах рациональности, расчета и процедурной дисциплины, закрепляют автономию государственного аппарата, превращая его в самореферентную инстанцию, способную навязывать свои правила обществу как извне, так и через интернализацию государственных норм самими индивидами. Особое внимание уделяется тому, как режимы исключения, войны, терроризм, экономические кризисы и пандемии делают видимыми глубинные механизмы структурного давления государства на общество и нормализуют широкую гамму контролируемых и ограничительных практик, которые затем закрепляются в повседневном управлении. В статье рассмотрены различные формы реакций общества – от открытых восстаний и плебейского «ухода» до повседневного сопротивления и символических конфигураций разрыва. Автор подчеркивает контингентный характер возможных развязок и указывает, что траектории социального преобразования остаются радикально непредсказуемыми, несмотря

на кажущуюся безальтернативность «цивилизации государства» и многовековую тенденцию к усилению государственного контроля над обществом.

Ключевые слова: отделение государства от общества, конститутивное насилие, социальное неравенство, социальное недомогание, политическая антропология, бюрократия, государственное давление, повседневное сопротивление, социальные преобразования

Для цитирования: Бордо П. Государство против общества: социально-политический анализ // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 3(21). С. 140-153, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-140-153](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-140-153)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-140-153](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-140-153)

State VS Society: a Socio-Political Analysis

Pierre Bordeaux✉

University of Paris XII Paris-Est Créteil (UPEC), Paris, France

Abstract. This article analyzes the long-term process of state formation as an inherent institution within society, emerging from the differentiation of the social organism and accompanied by the monopolization of political functions and the production of norms and means of violence. Drawing on the tradition of political anthropology (P.Clastres, M.Godelier, C.Tilly) and a socio-historical approach, the author demonstrates that the constitutive violence underlying the initial separation of the ruling group from the rest of society does not disappear with the institutionalization of state structures but rather becomes latent, resurfacing in crisis situations. Bureaucratic and administrative mechanisms, developing on the principles of rationality, calculation, and procedural discipline, consolidate the autonomy of the state apparatus, transforming it into a self-referential authority capable of imposing its rules on society both from without and through the internalization of state norms by individuals themselves. Particular attention is paid to how regimes of exception, wars, terrorism, economic crises, and pandemics expose the deep mechanisms of the state's structural pressure on society and normalize a wide range of controlling and restrictive practices that are subsequently entrenched in everyday governance. The article examines various forms of societal responses, from open rebellions and plebeian "exit" to everyday resistance and symbolic configurations of rupture. The author emphasizes the contingent nature of possible outcomes and points out that the trajectories of social transformation remain radically unpredictable, despite the apparent lack of alternatives to the "civilization of the state" and the centuries-old trend toward increasing state control over society.

Keywords: separation of state and society, constitutive violence, social inequality, social malaise, political anthropology, bureaucracy, state pressure, everyday resistance, social transformation

For citation: Bordeaux P. State VS Society: a Socio-Political Analysis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 3(21): 140-153, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3\(21\)-140-153](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-3(21)-140-153)

Введение

В первую очередь необходимо сказать, что современная эпоха отмечена множеством кризисов, которые не ограничиваются геополитическими столкновениями или доведенной до предела конкуренцией в экономической сфере. Данные напряженности выражаются в глубоком пересмотре социального и политического порядка внутри самих государств – вне зависимости от их региона, уровня и структуры развития. Представляется, что данные напряженности отражают некое комплексное социальное недомогание, одновременно всеобъемлющее и глубокое. Оно не ограничено географическими рамками и не связано с каким-то одним сектором или типом общества, проявляется в растущем разрыве между вмешательством государства в общественную жизнь, переживаниями и эмоциями, связанными с реально проживаемыми ситуациями, и перспективами, отмеченными все более насущным вопросом о месте и роли его институтов.

Материалы и методы

Общество, понимаемое как «реальность повседневной жизни, в которой люди рождаются, действуют и живут», цитируя А.Шюца [33], отсылает к обычной форме коллективной жизни и организует, влияет, а порой даже воспроизводится в отношениях между индивидами. В этом качестве оно уже давно является особым объектом социальных наук в контексте анализа способов его регуляции и историчности процессов, посредством которых это регулирование складывается, трансформируется и стабилизируется, вплоть до его институционализации до формы современного государства.

Статья посвящена анализу долгосрочной роли насилия в формировании государства и тому, каким образом общественные науки в сочетании с полевым и историческим анализом позволяют лучше понять природу того «недомогания», которое сегодня охватывает общество, и их отношение к государству. Эти дисциплины помогают преодолеть иллюзорность фактов, маскирующих масштаб происходящего и тем самым способствующих дополнению, вытеснению и искажению привычных аналитических элементов, необходимых для понимания этого «недомогания».

Результаты исследования

I. Появление государства: насильственное и внутреннее отделение от социального организма

В рамках антропологической традиции государство изначально не существует как внешняя по отношению к обществу категория. Напротив, оно рассматривается как результат процесса дифференциации, происходящего внутри самого социального организма [13–15, 31–32]. Данный процесс возникает за счет напряжений и конфликтов, в ходе которых определенная группа добивается социального отделения, монополизирует политические функции, создает правила и инструменты принуждения [8, 25].

Однако появление государства принципиально не может быть понято без учета материальных условий, которые делают его возможным: производство и дифференцированное присвоение экономического прибавочного продукта, контроль над специализированными средствами его производства, защита уже занятых позиций; возникновение и усложнение социальных отношений, прогрессирующая дифференциация внутри общества [15, 32]. Последние исследования происхождения экономического неравенства, которое со временем становится социально и политически внутренне присущим государству и практически непреодолимым [17, 36], подчеркивают, что концентрация средств принуждения выступает не столько первопричиной этого неравенства, сколько средством его закрепления и воспроизводства [6, 26].

Кроме того, государственное отделение нельзя сводить к простой защитной функции посредством принуждения: оно сопровождается развитием и присвоением организационных и нормативных полномочий отделившейся группы, которая, автономизируясь, тем не менее остается структурно зависимой от остальной части общества – как в материальном, так и в символическом плане ради собственного воспроизводства [8, 14]. Именно посредством насилия, направленного на защиту ресурсов, обеспечивающего отделение от остального социального организма, поддерживающего эту топологическую обособленность, навязывающего определенные способы взаимодействий с другими, группа, конституирующая себя как власть и государство, смогла вырваться из горизонтального общества, возвысить себя и удерживаться вне его. Ее действия и в дальнейшем направлены на то, чтобы добиться признания как самого этого отделения, так и использования насилия в качестве легитимного, одновременно позиционируя себя как монополиста на формирование норм и правил, упорядочивающего весь социальный организм.

Через эксклюзивную монополию на применение насилия эта группа может занимать и удерживать положение над горизонтальной структурой общества, препятствуя тому, чтобы ее новая позиция была поставлена под сомнение или оказалась в состоянии конкуренции. С опорой на насилие, признанное в той или иной

степени легитимным, она делает также материально затруднительным как выход из ее нормативной «империи», так и освобождение от нее [8, 40]. Государство выступает, таким образом, одновременно как автономный аппарат, предназначенный организовывать, легитимировать и регулировать социальные отношения, которые оно стремится монополизировать в нормативном плане, и как институциональная кристаллизация этих самых отношений. Оно транслирует, воплощает и закрепляет отделение части общества, монополию нормотворчества, управление прибавочным продуктом и – в целях всего этого – решающее применение насилия.

С этого момента, как подчеркивал Пьер Кластер, две аксиомы становятся организационными принципами, которые государство пытается выдать за естественный порядок и моральный или гражданский долг:

- во-первых, общество образуется и может образовываться только под крылом государства;
- во-вторых, обеспечиваемая государством защита сопровождается растущим императивом труда – как в целях обеспечения собственного существования, так и в качестве модальности структурирования общественного статуса и отношений; и, наконец, как условия участия в порядке, отныне организуемом самим государством [8].

В этом смысле появление государства можно рассматривать как результат радикального отделения группы внутри социального организма, который эта группа стремится стабилизировать, добиваясь признания и интериоризации своей позиции надстраивания, организуя производство и распределение прибавочного продукта, а также создавая нормы и (при необходимости) прибегая к насилию.

II. Конструирование государства: процесс консолидации, лежащий в основе современного насилия против общества?

Тем не менее равновесие отношений между государством и обществом остается структурно нестабильным, поскольку государство продолжает быть укорененным в обществе, из которого оно не только происходит, на которое опирается и частью которого остается, но откуда, судя по всему, черпает и свой смысл существования, в то время как оно одновременно преследует собственные цели, становясь самореферентной инстанцией, чья логика постепенно сводит общество к совокупности управляемых и подчиненных граждан, как на это указывает анализ Чарльза Тилли [37–38].

По мере того как процесс диссоциации и дистанцирования прогрессирует, государство закрепляется как стабильная и постоянная форма, отделенная от социального организма и наделенная собственным контуром, развивая, кроме того, некую рациональность, которая может быть полностью понята только им самим и постепенно превращается в один из инструментов его доминирования. Развиваются все более специализированные административные и технические корпуса, вплоть до оформления профессиональной бюрократии, обладающей карьерными

правилами, особыми способами рекрутирования, специализированными знаниями и механизмами самовоспроизводства, которые в период промышленной революции становятся решающим импульсом и окончательно утверждаются как система практик и образ мышления, все более автономные по отношению к остальному обществу.

В самом деле, промышленная революция знаменует собой момент, когда происходит не столько автономная «бюрократическая революция» [28] (хотя она действительно имеет место внутри государства), сколько усиление административного аппарата, основанное на тех же принципах рациональности, расчета, технической специализации, соблюдения процедур и организационного воспроизводства, которые трансформируют экономическое производство, как это показали Макс Вебер [40] и Эмиль Дюркгейм [9–10]. Даже если она сама по себе не конституирует роль государства в производстве и регулировании общественных норм, то окончательно закрепляет его в этой функции, как подчеркивали Норберт Элиас [11] и Жорж Баландь [3–4]. Это обусловлено тем, что именно способность государства обзавестись современной бюрократией, встроенной в принципы и представления общества, ориентированной на глубокую модернизацию, многие воспринимают как свидетельство, что государство выступает главным инструментом этой модернизации, тогда как оно само видит в ней прежде всего продолжение собственных целей.

В то же время, хотя подобный процесс берет начало в западном мире, триада бюрократической централизации, монополизации насилия и эксклюзивного нормативного производства встречается в широком спектре систем государственного управления по всему миру: в государствах, находящихся в процессе формирования или реформирования, в режимах, вышедших из социалистических революций и заявляющих об отдалении от этой модели, и в государствах, возникших в результате деколонизации, где каждый раз переплетаются местные традиции, иностранные заимствованные административные модели и специфические реформы властных отношений. Если двойная (промышленная и бюрократическая) революция, несомненно, служит современной матрицей этих процессов, то системная автономия государственного аппарата предстает как неукротимая и внеисторическая тенденция, вне зависимости от времени и контекста.

Данная автономия наиболее часто проявляется в виде постепенного смещения: речь идет уже не столько об организации общества «изнутри», сколько о том, чтобы все более настойчиво предписывать ему, а впоследствии принуждать «извне», к позиции, принятой и сконструированной самим государством. С этой точки зрения, современная динамика одновременно продолжает и переворачивает перспективу, обозначенную Пьером Кластером [7–8]. Изначально общества «против государства» вырабатывали механизмы, призванные предотвратить концентрацию власти и обойти «категорический императив» появления отделенной группы, интуитивно воспринимаемой как ядро, способное занять центральное, а то и надстраивающее положение с оттенком доминирующего института. Нынешние же «этактические»

общества сталкиваются с аппаратом, который возводит этот императив в условие самой возможности существования общества, тогда как в более тривиальном плане он действует, чтобы обеспечить собственную долговечность.

Теперь государство является сформированным и поддерживаемым рациональностью, которая почти имманентна, и в любом случае самореферентно и высоко технократизировано, опираясь на профессиональную бюрократию, а также представлено в обществе целым набором профессий и частных лиц, отвечающих за распространение, проверку и применение бухгалтерских, административных и юридических стандартов, все более пронизывающих все аспекты социально-экономической жизни. В результате оно оказывается в состоянии навязать обществу и утвердить в нем свое монопольное право на создание и регулирование социальных правил, включая возможность прибегать к насилию, когда оно считает это необходимым.

III. Поворот государства против общества: обыденное выражение конститутивного насилия

Указанная постепенная автономизация государственного аппарата, подпитываемая все более самореферентной бюрократической рациональностью, в конечном счете приводит к перевороту в отношениях между государством и обществом. Конститутивное насилие, сопровождавшее первоначальное отделение и изначально завуалированное выражением общих целей, а затем дискурсами, проникнутыми нейтральностью управления, имеет тенденцию вновь проявляться во все более явных формах.

Столкнувшись с модернизационными устремлениями обществ и обновлением способов производства, основанных на принципах расчета, стандартизации и соблюдения процедур, располагая накопленными ресурсами и прерогативами, политико-административная система постепенно отказывается от масок управленческой нейтральности и процедур консультации. Система открыто утверждает почти исключительно авторитарное отношение к обществу, прибегая к насилию, которое в малой степени или вовсе не подвергается эвфемизации, в том числе в своих привычных формах принятия решений. Эта смена парадигмы особенно явственно проявляется в чрезвычайных ситуациях – вооруженных конфликтах, террористических актах, крупных экономических кризисах, пандемиях, которые становятся моментами повышенной активности власти, позволяющими государству явно расширить свои прерогативы, приостановить или переформатировать обычные нормы и в любом случае легитимировать усиление ограничительных механизмов во имя «чрезвычайности».

В результате мы наблюдаем нормативное и регулятивное распространение и непрерывное расширение сфер вмешательства государства и усиление его административных и технических механизмов [27], которые, будучи первоначально оправданными исключительным характером ситуации, постепенно закрепляются

в качестве устойчивого элемента обыденных практик управления. Работы Джорджо Агамбена [1–2] показали, что эти режимы исключения отнюдь не являются простыми «скобками», а функционируют как раскрывающие глубинные логики управления, напрямую обнажая баланс сил между государством и обществом, а также основную концепцию и способ выражения, которые структурируют и двигают государство.

Обозначенные эпизоды играют центральную роль на нескольких уровнях: они демонстрируют расширение властных полномочий, нормализуют практики контроля, рассчитанные на долговременное существование, и демонстрируют, пусть и мимолетно, структурное насилие, обычно скрываемое формами управленческой нейтральности. Как показывают Акхил Гупта [20] и Жан-Пьер Оливье де Сардан [29–30], государство, как правило, проявляет себя через административные практики, производящие и распространяющие бюрократическое насилие, редко воспринимаемое как таковое, до тех пор, пока кризисные ситуации принудительно ее не раскрывают. Будучи высоко ритуализованными последовательностями, порождающими формы коллективного усвоения государственных императивов, эти моменты парадоксальным образом способствуют закреплению государственной логики как практически исключительной системы управления – с сопровождающим ее непрерывным применением насилия.

В данном контексте можно без чрезмерной метафоричности говорить о моменте, когда «король оказывается голым» (как в сказке Г.Х.Андерсена): не потому, что власть разоблачена извне, а потому, что она больше не скрывается за образами нейтральности или технического управления. Государство открыто берет на себя функцию принуждения, одностороннего принятия решений и вертикальности командования, демонстрируя насилие, которое перестает выглядеть случайным и предстает как структурное и обыденное измерение осуществления власти. В свою очередь, общество, сталкиваясь с все более агрессивными дискурсами и мерами и лишенное эффективных сдержек и противовесов, кроме локальной конкуренции внутри власти, переживает эту последовательность как явное подчинение, но также и как пробуждение, по некоторым аспектам остающееся устойчивым и вневременным.

По мере того как маски управленческой нейтральности уступают место открытому использованию принуждения, государство теперь явным образом проявляет и осуществляет структурное насилие, долгое время скрываемое как таковое. Оно продолжает свое первоначальное, столь же резкое отделение от общества, описанное, среди прочих, Ибн Хальдуном [21], Жоржем Баландые [3] и Морисом Годелье [14]. Более того, оно стремится развернуть все более явное, циничное и одностороннее доминирование – по крайней мере, именно с такой интенцией оно воспринимает реальность ситуации, которая, тем не менее, никогда не оказывается предопределенной, когда речь идет о способах, которыми люди, находясь в обществе, мыслят, осмысляют и действуют как в прошлом, так и в будущем.

IV. Непреодолимое, но не предопределенное возвышение и доминирование

Долгая история и современные наблюдения свидетельствуют о возникновении и установлении «цивилизации государства» [8], которая организует человечество по всему миру вокруг норм, создаваемых и регулируемых институтами. Эти институты перестали быть простым выражением уклада общественной жизни и стабилизации жизненных форм населения [40] и превратились в инструменты, призванные формировать эти нормы, распространять их и следить за их все более строгим применением ко всему социальному организму.

Контроль за соблюдением опирается не только на открытое принуждение, но и на механизмы интеграции и зависимости, делающие любое существование вне государственного контура постепенно немислимым и материально невозможным. Современное государство развило беспрецедентную способность проникать во все аспекты жизни общества: оно структурирует доступ к жизненно важным ресурсам, формирует смешанную экономику и критическую массу наемного труда, питающую общество, в частности, через государственную занятость, денежные трансферы и общественные блага. Оно также в состоянии фрагментировать общество, сегментируя его на отдельные управляемые группы, которые ослабляют органические взаимосвязи и препятствуют возникновению любой антагонизирующей солидарности, способной выступить противовесом.

Эта фрагментация сопровождается поэтапным «захватом» немногих локальных элит и промежуточных звеньев, которые могли бы сформироваться вследствие обычных и структурных взаимодействий, присущих общественной динамике. В конечном итоге они интегрируются в механизмы государственного аппарата либо через кооптацию, либо через зависимость от контролируемых этим аппаратом ресурсов, а иногда – через принятие его принципов и функциональных основ. Параллельно интернализация государственных норм трансформирует само общество: индивиды начинают понимать не только социальный порядок, но и собственное существование и возможности действия через призму категорий, процедур и репрезентаций, формируемых государством. С этого момента государственное доминирование осуществляется не только извне, но и воспроизводится изнутри самого общества, что делает еще более трудным не столько сопротивление, сколько дистанцирование и понимание феномена, превратившегося в абсолютную и однозначную общественную данность [24].

Тем не менее общество не остается пассивным и эмпирически проявляет несколько способов реакции на возвышение государства и усиление его контроля, не обязательно формируя коллективную рефлексивную осознанность происходящего процесса. Первый способ – прямое противостояние (бунты, восстания, мятежи). Эта «эра восстаний», вновь актуализированная и современно переосмысленная Мишелем Мафессоли [22], соотносится с моментами массовой приостановки

обыденного подчинения и выражает явное нарушение согласия в условиях ставших невыносимыми ограничений [5, 23, 38].

Второй способ состоит в реакции коллективного ухода или невовлеченности, когда общество прекращает полноценно сотрудничать, не вступая в прямую конфронтацию с установленным порядком. Данный «уход плебса» ослабляет способность государства к управлению, не создавая немедленного политического разрыва и, в то же время, не останавливая его растущее давление на общество [12, 35]. Напротив, может даже возникать обратный эффект: после начала экзальтации, сопротивления и ухода общество перестает представлять форму коллективной оппозиции и позволяет государству ускорить свое продвижение вперед.

К этим видимым способам добавляются, с одной стороны, пророческие, символические или нарративные конфигурации разрыва, которые, не предлагая новой конструкции политического порядка [8], высвобождают силы, способные поставить под сомнение подавляющую динамику государства и пресечь дальнейшее расширение его власти, даже ценой почти коллективного самоубийства. Это происходит посредством утверждения, что «общество в нынешнем виде» больше не может продолжать свое существование и должно быть остановлено. Эта реакция последнего рубежа, последнего сопротивления перед окончательным закреплением государственности, в современной эпохе обнаруживается лишь в нескольких жертвенных эпизодах небольших или средних групп, таких как некоторые так называемые «сектантские» общины.

С другой стороны, существуют практики, иногда систематические, иногда более эпизодические, проникающей и бытовой обструкции. Они состоят из обходов, неполного применения и чрезмерного применения норм, которые вынуждают государство считаться с частичным и прагматическим применением собственных механизмов [34, 39], включая реестр избирателей, где, особенно среди рабочего класса, проявляется амбивалентное использование голосования как средства выражения недоверия [18–19].

Эти способы могут сосуществовать, сменять друг друга или сочетаться, что создает беспрецедентный уровень напряжения для высокоинтегрированных и сильно урбанизированных обществ, в которых больше не существует реальных путей к отступлению, позволяющих безопасный выход из государственной системы. Это придает государственному давлению и вызываемому им недоумению критическую нагрузку, способную в определенных обстоятельствах привести к более радикальным преобразованиям. Исторический опыт государств еще не в состоянии предоставить ни понимания, ни предсказания возможных форм, насколько беспрецедентным и стеснительным для включенных в них индивидов уровень развития и «заклученности» этих обществ потенциально может быть.

Столкнувшись с постоянным усилением государственного давления, и при том, что ход истории, кажется, движется лишь в одном направлении, общества продолжают порождать множественные формы реакции, чьи масштабы и исходы остаются в значительной степени неопределенными.

Выводы

Продолжая работы Пьера Кластра, Мориса Годелье, Чарльза Тилли и других авторов, представляющих политическую антропологию и социально-исторический подход к осмыслению государства, эта статья стремилась прояснить всеобъемлющее недомогание, которое пронизывает современные общества. Его начало лежит в подавляющем давлении государства по отношению к обществу, оно сводится ко все более абстрактным административным категориям, призванным служить делу сохранения самого государства, которое больше не скрывает ни инструментального характера этих отношений, ни принуждения и использования насилия как своих обычных способов вмешательства в жизнь общества.

Тем не менее, несмотря на века сегментации, фрагментации, запугивания и властных рекомендаций, маскируемых моральными и цивилизационными императивами, общество продолжает существовать как автономная социальная реальность, способная порождать формы противостояния, ухода, препятствования, дистанцирования и непредсказуемые разветвления, которые ничуть не уступают беспощадной воображаемой конструкции государственного доминирования [8, 34–35].

Эта настойчивость отсылает нас к Ламарку в том, что унаследованные формы никогда не исчерпывают возможностей преобразований жизнедеятельности организованных существ, и особенно, как писал Гулд [16], что эти преобразования могут происходить внезапно и принимать радикально непредсказуемые направления. Однонаправленный эволюционизм и детерминизм, быть может, вовсе не в состоянии сказать нам что-нибудь важное о том, каким образом можно выйти из этого общего недомогания, которое, похоже, постепенно превращается во все более рефлексивную ярость.

Список литературы

1. Agamben G. Homo Sacer. Le Pouvoir Souverain et la Vie Nue. Paris, 1995.
2. Agamben G. Stasis. La Guerre Civile Comme Paradigme Politique. Paris, 2015.
3. Balandier G. Anthropologie Politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1967.
4. Balandier G. Sens et Puissance. Les Dynamiques Sociales. Paris: Presses Universitaires de France, 1971.
5. Bertho A. Time Over? Le Temps des Soulèvements. Paris: Éditions du Croquant, 2023.
6. Bowles S., Smith E.A., Borgerhoff M.M. The Origins of Enduring Economic Inequality. Durham: Duke University Press, 2010.
7. Clastres P. Archéologie de la Violence. Paris: Les Éditions de l'Aube, 1977.
8. Clastres P. La Société Contre l'État. Recherches D'anthropologie Politique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1974.
9. Durkheim É. De la Division du Travail Social. Paris: Félix Alcan, 1893.
10. Durkheim É. Les Règles de la Méthode Sociologique. Paris: Félix Alcan, 1895.
11. Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Bâle: Haus zum Falken, 1939.
12. Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
13. Fried M.H. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967.

14. Godelier M. Au Fondement des Sociétés Humaines. Ce Que Nous Apprend L'anthropologie. Paris: Albin Michel, 2007.
15. Godelier M. L'idéal et le Matériel. Pensée, Économies, Sociétés. Paris: Fayard, 1984.
16. Gould S.J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History New York, 1989.
17. Guilaine J. (dir.) Sépultures et Sociétés: du Néolithique à l'Histoire. Paris: Errance, 2007.
18. Guilluy C. La France Périphérique. Comment on a Sacrifié les Classes Populaires. Paris: Flammarion, 2014.
19. Guilluy C. No Society. La Fin de la Classe Moyenne Occidentale. Paris: Flammarion, 2018.
20. Gupta A. Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. Durham: Duke University Press, 2012.
21. Ibn Khaldûn. Muqaddima. 1377.
22. Maffesoli M. L'ère des Soulèvements. Paris: Éditions du Cerf, 2021.
23. Maffesoli M., et al. Travaux Collectifs sur les Soulèvements Contemporains. Paris, 2019.
24. Mauss M. Essai sur le Don. Forme et Raison de L'échange dans les Sociétés Archaïques. Paris, 1925.
25. Meier C. Die Entstehung des Politischen bei den Griechen. Frankfurt: Suhrkamp, 1980.
26. Meller H., Gronenborn D., Risch R. (dir.) Travaux Collectifs sur Surplus, Inégalités et Stabilisation Institutionnelle. Halle, 2015.
27. Mucchielli L. Travaux sur la Séquence Pandémique et la Normalisation des Dispositifs. Paris, 2021.
28. Naugès J. La Révolution Bureaucratique. Paris, 1970.
29. Olivier de Sardan J.-P. Anthropologie et Développement. Essai en Socio-Anthropologie du Changement Social. Paris: Karthala, 1995.
30. Olivier de Sardan J.-P. La Revanche des Contextes. Des Mésaventures de L'ingénierie Sociale en Afrique et Au-Delà. Paris: Karthala, 2021.
31. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958.
32. Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago: Aldine-Atherton, 1972.
33. Schutz A. Der Sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt. Vienne: Springer, 1932.
34. Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990.
35. Scott J.C. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.
36. Seyn H. Référence Mobilisée sur les Différenciations Économiques Primitives. Paris, 1979.
37. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading (MA). Addison-Wesley, 1978.
38. Tilly C. Trust and Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
39. Vinthagen S., Johansson, A. Everyday Resistance: Exploration of a Concept and its Theories. Resistance Studies Magazine, 2013.
40. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), 1922.

Информация об авторе

БОРДО Пьер. Преподаватель. Научный сотрудник. Социолог организаций и проектов территориального развития. Университет Париж XII Пари-Эст Кретьей. Факультет международного управления и обмена. Лектор бизнес-школы Нормандии, бизнес-школы Леонардо да Винчи, бизнес-школ ILCI / IESEG. Адрес: Париж, Франция.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г. Принята к публикации: 25 августа 2026 г. Опубликовано: 1 сентября 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Agamben G. Homo Sacer. Le Pouvoir Souverain et la Vie Nue. Paris, 1995 [In French].
2. Agamben G. Stasis. La Guerre Civile Comme Paradigme Politique. Paris, 2015 [In French].
3. Balandier G. Anthropologie Politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1967 [In French].
4. Balandier G. Sens et Puissance. Les Dynamiques Sociales. Paris: Presses Universitaires de France, 1971 [In French].
5. Bertho A. Time Over? Le Temps des Soulèvements. Paris: Éditions du Croquant, 2023 [In French].
6. Bowles S., Smith E.A., Borgerhoff M.M. The Origins of Enduring Economic Inequality. Durham: Duke University Press, 2010 [In English].
7. Clastres P. Archéologie de la Violence. Paris: Les Éditions de l'Aube, 1977 [In French].
8. Clastres P. La Société Contre l'État. Recherches D'anthropologie Politique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1974 [In French].
9. Durkheim É. De la Division du Travail Social. Paris: Félix Alcan, 1893 [In French].
10. Durkheim É. Les Règles de la Méthode Sociologique. Paris: Félix Alcan, 1895 [In French].
11. Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Bâle: Haus zum Falken, 1939 [In German].
12. Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1981 [In English].
13. Fried M.H. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. New York: Random House, 1967 [In English].
14. Godelier M. Au Fondement des Sociétés Humaines. Ce Que Nous Apprend L'anthropologie. Paris: Albin Michel, 2007 [In French].
15. Godelier M. L'idéal et le Matériel. Pensée, Économies, Sociétés. Paris: Fayard, 1984 [In French].
16. Gould S.J. Wonderful Life: The Burgess Shale and the Nature of History New York, 1989 [In English].
17. Guilaine J. (dir.) Sépultures et Sociétés: du Néolithique à l'Histoire. Paris: Errance, 2007 [In French].
18. Guilluy C. La France Périphérique. Comment on a Sacrifié les Classes Populaires. Paris: Flammarion, 2014 [In French].
19. Guilluy C. No Society. La Fin de la Classe Moyenne Occidentale. Paris: Flammarion, 2018 [In French].
20. Gupta A. Red Tape: Bureaucracy, Structural Violence, and Poverty in India. Durham: Duke University Press, 2012 [In English].
21. Ibn Khaldûn. Muqaddima. 1377 [In Arab].
22. Maffesoli M. L'ère des Soulèvements. Paris: Éditions du Cerf, 2021 [In French].
23. Maffesoli M., et al. Travaux Collectifs sur les Soulèvements Contemporains. Paris, 2019 [In French].
24. Mauss M. Essai sur le Don. Forme et Raison de L'échange dans les Sociétés Archaïques. Paris, 1925 [In French].
25. Meier C. Die Entstehung des Politischen bei den Griechen. Francfort: Suhrkamp, 1980 [In German].
26. Meller H., Gronenborn D., Risch R. (dir.) Travaux Collectifs sur Surplus, Inégalités et Stabilisation Institutionnelle. Halle, 2015 [In French].
27. Mucchielli L. Travaux sur la Séquence Pandémique et la Normalisation des Dispositifs. Paris, 2021 [In French].
28. Naugès J. La Révolution Bureaucratique. Paris, 1970 [In French].
29. Olivier de Sardan J.-P. Anthropologie et Développement. Essai en Socio-Anthropologie du Changement Social. Paris: Karthala, 1995 [In French].
30. Olivier de Sardan J.-P. La Revanche des Contextes. Des Mésaventures de L'ingénierie Sociale en Afrique et Au-Delà. Paris: Karthala, 2021 [In French].
31. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958 [In English].
32. Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago: Aldine-Atherton, 1972 [In English].
33. Schutz A. Der Sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt. Vienne: Springer, 1932 [In German].
34. Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990 [In English].
35. Scott J.C. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985 [In English].
36. Seyn H. Référence Mobilisée sur les Différenciations Économiques Primitives. Paris, 1979 [In French].

37. Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading (MA). Addison-Wesley, 1978 [In English].
38. Tilly C. Trust and Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 [In English].
39. Vinthagen S., Johansson, A. Everyday Resistance: Exploration of a Concept and its Theories. Resistance Studies Magazine, 2013 [In English].
40. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), 1922 [In German].

About the author

Pierre BORDEAUX. Associate professor and researcher, sociologist of organizations and territorial development projects, Paris XII Paris-East Créteil University (UPEC), Institute of International Administration and Exchange (AEI School), lecturer at EM-Normandy – EMLV and ILCI/IESEG. Address: Paris, France.

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 3, 2026. Approved after peer review: August 20, 2026. Accepted for publication: August 25, 2026. Published: September 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.